

Маркевич Болеслав Михайлович

**Князь Григорий Щербатов о
графе Уварове**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Князь Григорий Щербатов о графе Уварове / Маркевич Болеслав Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 122 с.

ISBN 978-5-519-95441-9

ISBN 978-5-519-95441-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

испытать тотъ страшный кризисъ что и нынѣ, по прошествіи почти четверти вѣка, отзывается въ нашей государственной и общественной жизни послѣдствіями самаго болѣзненнаго свойства. Съ весьма понятною гордостью упоминаетъ авторъ статьи о „внутреннемъ сочувствіи“ съ которымъ графъ Уваровъ относился къ его образу дѣйствій, когда, въ 1849 году, вслѣдствіе извѣстнаго, помимо графа Уварова состоявшагося повелѣнія о сокращеніи числа студентовъ въ университетахъ до размѣра 300 человѣкъ, управлявшій Московскимъ округомъ, поставленный въ тяжкое положеніе выбора или не приводить въ дѣйствіе сообщенное ему министромъ „къ немедленному исполненію“ повелѣніе это или „пустить по бѣлому свѣту нѣсколько сотенъ молодыхъ людей“, — „нашелъ возможность удовлетворить и притомъ вполне законно, обоимъ, одинаково сильнымъ, требованіямъ совѣсти своей и долга; огромное большинство студентовъ, на которыхъ неожиданнымъ ударомъ должна была всею своею тяжестью пасть означенная мѣра, продолжали попрежнему свое образованіе въ университетъ.“

Хотя, какъ будемъ мы имѣть въ послѣдствіи случай привести на это подлинное свидѣтельство, графъ Уваровъ гораздо менѣе заботился о *числѣ* чѣмъ о *качествѣ*, и притомъ даже *доброкачественности* воспитанниковъ русскихъ университетовъ, мы тѣмъ не менѣе охотно вѣримъ въ дѣйствительность его „внутренняго сочувствія“ къ той услугѣ которую по этому случаю оказалъ его молодой подчиненный неповинному большинству тогдашнихъ московскихъ студентовъ, какъ вѣримъ и тому что съ неменьшимъ сочувствіемъ относился онъ и ко всѣмъ другимъ попечителямъ учебныхъ округовъ въ Россіи которые въ подвѣдомыхъ имъ университетахъ поступили точно такъ же какъ князь Щербатовъ. Но да проститъ намъ великодушно почтенный авторъ если мы дозволимъ себѣ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ чтобы такъ же сочувственно, — будь еще въ живыхъ графъ Уваровъ, — отнесся онъ къ тѣмъ своеобразнымъ возрѣніямъ которыя по поводу „*оцѣнки* характера его и значенія“ и подъ покровомъ, такъ сказать, его авторитетнаго имени, излагаетъ въ своей статьѣ „одинъ изъ его бывшихъ ближайшихъ со-

трудниковъ и исполнителей его истинно-разумныхъ предначертаній“.

Означенному сочиненію редакція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* сочла нужнымъ предпослать отъ себя самый хвалебный аттестатъ и рекомендовать его своимъ читателямъ какъ „живо и умно набросанный очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія“. При этомъ редакція заявляетъ что „какъ ни много „экспериментовъ по части просвѣщенія „сдѣлано у насъ съ тѣхъ поръ, крупная „и характерная фигура графа Уварова, „какъ министра, не только не заслонила ими, но напротивъ того получила „отъ нихъ еще большую рельефность“.

Что *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* вздумалось вдругъ негаданно, непрошено, отозваться съ такимъ высокоуміемъ о тѣхъ „экспериментахъ по части просвѣщенія“, которые, къ стыду нашему и на гибель русскаго образованія, были дѣлаемы у насъ въ продолженіе почти двадцати лѣтъ слѣдовавшихъ за министерствомъ графа Уварова, и находили до сихъ поръ ревностнѣйшихъ себѣ поборниковъ въ тѣхъ же *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*,—это конечно насъ не удивляетъ: мы привыкли къ подобнымъ невиннымъ сальто-мортале

благодушнѣйшей, хотя и *либеральнѣйшей* изъ петербургскихъ газетъ. Не накладывала ли она еще не такъ давно, въ этомъ благодушїи своемъ, руку на самое себя, не объявляла ли въ невинности души своей что вообще *газета есть самое опасное орудіе нашего времени?* Темна вода во облацѣхъ либеральной редакціи, и по тому что она говоритъ сегодня никто, и болѣе всѣхъ она сама, не въ состояніи заключить что она скажетъ завтра.

Что лицо серіозное и богатое жизненнымъ и служебнымъ опытомъ,—мы иначе не смѣемъ и разумѣть почтеннѣйшаго автора статьи о графѣ Уваровѣ,—подастъ случай *С.-Петербургскимъ Въдомостямъ* выдавать ему похвальные аттестаты,—мы это менѣе понимаемъ. Но о вкусахъ не спорять, и намъ по-этому остается, не предпрѣшая ничего и помимо какихъ бы то ни было лестныхъ или нелестныхъ рекомендацій, рассмотреть по сущности предложенный намъ *Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія*, и вывести затѣмъ о немъ наше посильное заключеніе.

Очеркъ этотъ помѣщенъ въ двухъ нумерахъ газеты издателемъ *С.-Петербургскимъ Въдомостямъ* и занимаетъ болѣе

двѣнадцати печатныхъ столбцовъ. Экспозиція его состоитъ въ томъ что „въ послѣднее время имя графа С. С. Уварова стало чаще раздаваться въ кружкахъ, интересы которыхъ связаны съ дѣломъ народнаго образованія“, и что на юбилей С.-Петербургскаго университета, „теперешній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, среди раздававшихся торжественныхъ восклицаній настоящему и шумныхъ задравныхъ тостовъ живущимъ, неоднократно возвращалъ къ прошедшему вниманіе присутствующихъ и упоминалъ имя своего предшественника.“ „Весьма многими изъ слушателей“, продолжаетъ авторъ, „слова графа Толстаго должны были быть приняты болѣе чѣмъ сочувственно“. А между тѣмъ у насъ нѣтъ до сихъ поръ жизнеописанія этого государственнаго дѣятеля, которое, какъ выражается князь Щербатовъ, „могло бы увѣковѣчить на скрижаляхъ исторіи народнаго просвѣщенія дѣла живущихъ лѣтъ и въ умахъ настоящаго поколѣнія уяснить заслуги прошлаго“. „Но“, продолжаетъ, авторъ, „дѣятельность народнаго учителя скромна, она не поражаетъ ни завоеваніями областей, ни крутыми преобразова-

„ніями въ общественной обстановкѣ;
 „она не созидаетъ и, наоборотъ, не
 „расточаетъ груды золота, представ-
 „ляетъ мало поводовъ къ деирамбамъ
 „и восторженно пустымъ возгласамъ и
 „отъ того понятно почему біографіи
 „графа Уварова нѣтъ...”

Не знаемъ потому ли что вообще „дѣ-
 ятельность народнаго учителя скромна
 и представляетъ мало поводовъ къ вос-
 торженно-пустымъ возгласамъ“, или въ
 частности потому что воспоминаніе о
 незабвенныхъ заслугахъ оказанныхъ
 графомъ Уваровымъ нашему просвѣ-
 щенію нашло себѣ въ первый разъ со-
 чувственное выраженіе на праздновав-
 шемся въ 1869 году юбилеѣ С.-Пстер-
 бургскаго университета, то-есть послѣ
 многихъ лѣтъ, въ продолженіе коихъ въ
 дѣлѣ русскаго образованія производи-
 лись, при усердной помощи разныхъ
 россійскихъ журналовъ и газетъ, тѣ
 невообразимые, по счастливому выра-
 женію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*,
 „эксперименты“ которые уже сами по
 себѣ представлялись какъ прямое отри-
 цаніе того, что было цѣлю усилий графа
 Уварова,—но фактъ дѣйствительно та-
 ковъ что никакой біографіи этого за-
 мѣчательнаго человѣка у насъ до сихъ

поръ не существуетъ. Слѣдуетъ поэто-
му отнестись съ величайшею благодар-
ностью ко всякому доброму намѣренію
восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей ли-
тературѣ. Въ какой мѣрѣ восполняетъ
этотъ пробѣлъ лежащая предъ нами
статья — опредѣлить довольно трудно.
Какое именно мѣсто въ этомъ пробѣлѣ
должна занимать она въ намѣреніяхъ
ея автора, это сказать еще труднѣе.
Издалеку подходящая, какъ бы намѣ-
ренно-туманная, а потому и крайне-
расплывчатая фразеологія ея, безпре-
станныя отступленія, цѣлые столбцы
отвлеченныхъ разсужденій ведомыхъ
отъ себя и, съ перваго взгляда, не
имѣющихъ никакого отношенія къ
главному предмету, постоянно подзадо-
риваютъ читателя искать между стро-
ками словно тайный смыслъ, который
такъ и вьется и ускользаетъ отъ его
напряженного вниманія. Невольно спра-
шиваешь себя: что же въ концѣ кон-
цовъ это такое, біографическій ли эс-
кизъ графа Уварова, или автобіогра-
фическія черты изъ жизни самого ав-
тора, или, прежде всего, и по поводу
того и другого, какой-то наставниче-
скій урокъ преподаваемый „настояще-
му“ во имя „минувшаго“? Такая рабо-

та, по правдѣ сказать, весьма тяжела, особенно для простаго отдаленнаго зрителя, не имѣющаго входа за кулисы и незнакомаго ни съ какими шифрованными азбуками. Мы просимъ еще разъ извиненія у автора, но принадлежа къ числу самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, не посвященныхъ ни въ какія высшія таинства, мы, напримѣръ, никакъ не могли отгадать съ какою цѣлью истрачено имъ такъ много словъ на разсужденіе о томъ какъ онъ понимаетъ „образованнаго человѣка“, разсужденіе, которому князь Щербатовъ, повидимому, придаетъ какой-то особенный смыслъ для объясненія характера и значенія графа Уварова. Отгадать это тѣмъ затруднительнѣе что здѣсь встрѣчаются иныя совершенно даже непонятныя фразы. Такъ напримѣръ: „самонадѣянъ былъ бы тотъ кто „возмечталъ бы по личному взгляду „предлагать обществу программу, осуществляющую безусловные законы „истины недосигаемые для человѣческаго ума“ (дѣло идетъ объ оцѣнкѣ людей по мѣрилу абсолютнаго совершенства). „Но столь же неосновательною и къ тому же крайне *пошлою* была „бы оцѣнка людей, дѣйствія которыхъ,

„отвѣчая требованіямъ мимолетной пригодности (?) или неуясненнаго пониманія нравственности и разумности (?), не удовлетворяли бы при бо-
 „лѣе серіозномъ ихъ изученіи, суще-
 „ственнымъ законамъ просвѣщенія“. (?)
 Неужели такой способъ выраженія входилъ въ намѣренія автора? Неужели онъ предпочитаетъ этотъ пріемъ безыскусственному, прямому изложенію того что онъ желаетъ сказать?...

Главная мысль князя Щербатова объ „образованномъ человѣкѣ“ выражается, какъ кажется, въ слѣдующемъ, по крайней мѣрѣ, понятномъ для насъ мѣстѣ:
 „Образованный человѣкъ представляет-
 „ся мнѣ результатомъ сочетанія двухъ
 „нравственныхъ силъ: ума развитаго (,)
 „съ его послѣдствіемъ—твердостью убѣ-
 „жденій, и воли сдержанной (,) съ ея
 „послѣдствіемъ—нравственною незави-
 „симостью“.

Никто, конечно, не станетъ спорить съ почтеннымъ авторомъ по той аксіомѣ что гармоническое сочетаніе разума просвѣтленнаго знаніемъ и воли приученной подчиняться трезвымъ строгимъ законамъ нравственной правды составляютъ идеаль лица истинно „образованнаго“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту

задачу къ которой должно всѣми силами стремиться *воспитаніе* челоѣка въ лучшемъ и полномъ смыслѣ этого слова. Но нельзя не замѣтить мимоходомъ что еслибы, согласно съ редакціей въ которой формулетъ мысль свою князь Щербатовъ, „твердость убѣжденій“ и „нравственная независимость“ вытекали какъ необходимое *послѣдствіе* „ума развитаго“ и „воли сдержанной“ и составляли такимъ образомъ безусловный признакъ *образованности*, намъ пришлось бы вычеркнуть, пожалуй, три четверти именъ занесенныхъ „въ скрижали“ челоѣческой культуры.... Но мы, конечно, не станемъ препираться о словахъ. Мы вызваны были на это замѣчаніе единственно вслѣдствіе того что неопредѣлительность положеній разбираемой нами статьи представляетъ обширное поле для всякихъ произвольныхъ выводовъ и догадокъ. Мы болѣе всего боимся споткнуться на незримые камни разсѣянные здѣсь какъ бы съ намѣреніемъ, и смѣемъ надѣяться что уважаемый нами авторъ не посѣтуетъ на насъ если въ теченіе предстоящаго намъ разбора мы въ иномъ мѣстѣ, можетъ-быть совершенно противъ нашей воли, ошибемся относи-